

— Чэн Си! Чэн Си — о-о-о!

Проклятье, оставалось лишь уповать на то, что те двое, служившие разным господам, не ушли слишком далеко и, даже ругаясь, способны наострить уши и расслышать шум в комнате.

К счастью, перепуганный голос Си Яня успешно привлек двух переругивающихся слуг. Первым вбежал Чэн Дуань: изо всех сил толкнув дверь, он налетел на засов, который Се Мо наспех опустил перед уходом. Щепки разлетелись во все стороны, сам же он кубарем покатился на пол и, не успев даже задать вопрос, получил от стремительно ворвавшегося Чэн Си сильный пинок в бок.

Чэн Си было уже не до того: увидев, как Се Мо полулежит перед кроватью, тяжело и прерывисто дыша, он сразу во всем разобрался. В суете он вытащил из пазухи маленький фламакон, повернул голову Се Мо к себе и влил ему в рот маленькую черную пилюлю.

Лекарство, испускающее странный аромат, подействовало быстро. Бурно вздымавшаяся грудь Се Мо постепенно успокоилась, а Чэн Дуань воспользовался моментом, чтобы подползти к Си Яню и встревоженным взглядом осмотреть его с ног до головы, проверяя, не ранен ли он.

Си Янь, у которого растрепались пряди у лба, успокаивающе похлопал Чэн Дуаня по плечу, показывая, что с ним все в порядке.

— Чэн Си, — произнес он низким голосом. — У твоего вана и вправду какая-то тяжелая болезнь?

Чэн Си с трудом поднял Се Мо на кровать и, услышав это, с издевкой бросил:

— Господин Си, раз уж все здесь, к чему эти расспросы?

У Чэн Дуаня сбоку отдавалась тупая боль, и гнев, не до конца утихший снаружи, вспыхнул с новой силой:

— Это как ты соизволяешь разговаривать с моим господином?!

Чэн Си поджал губы и с явной неохотой ответил поклоном Си Яню:

— Малый сей сболтнул лишнего и приносит свои извинения господину Си. Что же до недуга моего вана, то он действительно хворает уже много лет. Если господин Си помнит о прежней дружбе, то я прошу вас позаботиться о нем хоть немного; если же нет, то я сам преданно и усердно выхожу вана.

— Ты...

— Что за хворь у него? — Си Янь придержал Чэн Дуаня за плечо, его голос звучал необычайно тяжело. — Сколько лет прошло, а я ни разу не слышал, чтобы у Регента были проблемы со здоровьем.

— Это личные дела моего вана. Без его позволения я не смею ничего рассказывать, так что прошу господина Си не ставить меня в неловкое положение, — Чэн Си накрыл Се Мо одеялом. — Поздний час, ночь холодна. Раз ван уже устроен, я посмею удалиться и пойти отдохнуть, а господин Си пусть располагается по своему усмотрению.

Чэн Дуань едва не бросился за ним следом, чтобы продолжить перебранку:

— Господин, вы только посмотрите на его манеры!

Си Янь задумчиво смотрел вслед удалявшемуся Чэн Си.

Его мало волновало, как именно тот к нему относится. Все эти годы он и Се Мо противостояли друг другу, а Чэн Си служил Се Мо долгие годы: для самого Си Яня Чэн Дуань был тем же, кем Чэн Си для Се Мо. Его искреннюю и непоколебимую преданность Си Янь прекрасно понимал, а потому не удивлялся, что Чэн Си не питает к нему теплых чувств.

Однако он действительно ничего не знал о состоянии здоровья Се Мо. Сегодняшняя ночь напугала его, и в то же время в его душе скопилось тяжелое, свинцовое облако сомнений. Недуг Се Мо явно не был пустяковой хандрой, судя по всему, он мучил его уже долгие годы.

И при этом Императорская лечебница, что вечно вела дела Се Мо, не проронила ни единого звука, даже Бай Ланьюй не обмолвился и словом. Либо за этим скрывались куда более глубокие тайны, либо даже такие высокопоставленные при дворе лица, как Бай Ланьюй, ничего об этом не ведали.

Чэн Дуань все еще кипел от негодования. Си Янь молча вздохнул и протянул руку, коснувшись его макушки.

— Господин...

— Поздно уже, ступай отдохни, — Си Янь опустил руку. — Время позднее.

— А вы?

— Я? — Си Янь бросил взгляд на по-прежнему нахмуренные даже во сне брови Се Мо. — Я хочу разобраться, что здесь на самом деле происходит.

Впрочем, в эту ночь Си Янь так и не смог выяснить, что же здесь происходило.

Се Мо спал беспокойно, но так и не проснулся. Си Янь сперва примостился рядом, прислонившись к стене и прикрыв глаза в попытке подремать, но услышав невнятное бормотание, тут же открыл их. Оказалось, что Се Мо просто перевернулся на другой бок и пробуждаться вовсе не собирался.

Если Се Мо не проснется, он просидит всю ночь впустую.

Прошло еще немало времени, догорели и погасли последние свечи в комнате, а тусклый полумрак лишь прибавил сонливости. Си Янь больше не мог держаться сидя и, сдавшись, лег рядом с Се Мо. Едва его затылок коснулся мягкой подушки, как усталость тут же обволокла его липкой паутиной.

Последним проблеском сознания стало то, как он посмотрел на безмятежное во сне лицо Се Мо.

Сквозь пелену дремы промелькнула мысль:

Все это ничем не отличается от тех лет.

И тогда ему приснилось прошлое.

Сорок третий год Цзяньхэн, зима — выдалась на редкость ранняя и холодная.

Великая империя Да Юн и северное племя Бэйжун воевали уже несколько лет, и наконец этой зимой война подходила к концу. Когда весть о победе достигла города Шанцзин, Император Цзяньхэн по имени Се Цун два ночи подряд не смыкал глаз, пока наконец не дождался радостной новости о великой победе у Бэйяньгуаня. Перешагнувший за полвека император еще не успел до конца смахнуть улыбку с лица, как следующая похоронка лишила его дыхания и заставила рухнуть без чувств.

Старший императорский принц Се Чжэнь, желая поднять боевой дух армии, лично надел доспехи и трое суток сражался с Бэйжуном, заложив основу для триумфа у Бэйяньгуаня, но в конце концов пал от вражеского клинка: стрела бэйжунского воина пронзила его сердце, и он погиб на поле боя.

У Императора Цзяньхэна было семеро сыновей, и старший принц Се Чжэнь являлся для него главным оплотом и будущим наследником, в чем никто во дворце не сомневался. Стоило лишь завершить военный поход, как трон тотчас был бы закреплен за ним. Восточный дворец пустовал сорок три года, но желанного наследника он так и не дождался.

Разъяренный Император Цзяньхэн велел досконально во всем разобраться. Выяснилось, что в армии за завесой тайны скрывался предатель, сдававший секретные сведения Бэйжуну. В мгновение ока все чиновники, хоть как-то причастные к этому делу, были обезглавлены, а

заподозренные в связи с ними — сосланы и изгнаны.

Клан Си верой и правдой служил трем императорам, но поскольку боковая ветвь рода Си стояла гарнизоном у Бэйяньгуаня и имела доступ к секретным донесениям, то, руководствуясь принципом лучше казнить невинного, чем упустить виновного, даже главная ветвь клана Си, находившаяся далеко в городе Шанцзин, угодила под опалу и ссылку. Даже Наложница Сянь из клана Си, обитавшая во внутренних покоях, была лишена всех титулов и сослана в Холодный дворец.

Три поколения славы обратились в прах в один миг.

Четырнадцатилетний Си Янь вышел из Книжной палаты Цзин и, нарушив правила, не стал выходить из дворца через боковые ворота, а свернул за угол и последовал за перешагнувшим шестой десяток старым евнухом вглубь императорской обители.

<http://bllate.org/book/25958/3108317>